

Елена К.

Шёпот под водой

<https://litres.ru/74328698>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Вода забирает своих — и не возвращает». В забытом краю, где туман ползёт по селу, а в колодцах зреет смерть, героям предстоит столкнуться с древним злом, что стирает грань между жизнью и тленом. Русалки расставляют ловушки, Водяной Князь готовит удар, а внутри одного из спутников уже прорастает чуждая стихия. Исчезновение Морены и её зловещее предупреждение подсказывают: враг хитрее, чем кажется. Смогут ли герои остановить надвигающуюся тьму — или сами станут её частью? Славянское фэнтези с леденящим душу напряжением, мрачной мифологией и тяжёлым выбором, где цена ошибки — собственная душа. Для поклонников тёмного фэнтези и историй, от которых мурашки бегут по коже.

Содержание

Глава о совпадениях	4
«Шёпот под водой». Глава 1	6
«Шёпот под водой». Глава 2	14
«Шёпот под водой». Глава 3	22
«Шёпот под водой». Глава 4	29
«Шёпот под водой». Глава 5	36
«Шёпот под водой». Глава 6	43
«Шёпот под водой». Глава 7	53
«Шёпот под водой». Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Елена К.

Шёпот под водой

Глава о совпадениях

«Все имена, события и даже самые подозрительные шёпоты в этой книге — чистая случайность. Серьёзно. Если вдруг кто-то узнал в Водяном Князе своего бывшего соседа по даче — это не я, это вода так отразилась.

Никакие русалки не основаны на реальных людях (и уж точно не на той тёте Зине, которая в детстве пугала всех рассказами про «водяного под мостом»). Ни один леший не списан с троюродного дяди, который вечно терялся в лесу и клялся, что с ним разговаривали деревья. А уж про Морену и вовсе молчу: если вы встретили кого-то, кто смотрит так, будто уже мысленно переписал вашу судьбу на мокром песке, — это не прототип, это просто очень выразительный взгляд.

К тому же наука подтверждает: под водой звуки искажаются, шёпот превращается в угрозы, а невинный плеск — в злоеший ритуал. Так что если в книге кто-то кого-то проклял через рябь на воде — это физика, а не личная месть.

И да, если вдруг в сюжете мелькнёт село, подозрительно похожее на ваше родное, — совпадение. Абсолютное. Сто-

процентное. Такое же невероятное, как идея пойти купаться в октябре.

Читайте смело: никто не обиделся, никто не затаил злобу, и уж точно никто не пришлёт вам туман с намёками. Ну... почти наверняка.

С уважением и лёгким поклоном в сторону всех водных духов), Елена К.

«Шёпот под водой». Глава 1

Туман стелился над озером, будто кто-то разорвал в клочья серое одеяло и раскидал обрывки по глади воды. Он не просто лежал на поверхности — он жил: медленно перекачивался волнами, цеплялся за прибрежные кусты, обвивал стволы старых берёз, словно пытался спрятаться в их морщинистой коре. В этом тумане было что-то неестественно плотное, почти осязаемое: казалось, протяни руку — и пальцы утонут в холодной, влажной вате, которая тут же начнёт шептать тебе что-то на ухо.

Старое село Залесье давно обходило этот водоём стороной. Не то чтобы кто-то официально запрещал туда ходить — просто с годами выработалась молчаливая договорённость: к озеру не подходить, особенно ближе к сумеркам. Дети знали: если кто-то из взрослых поймает их у воды, будет не просто выговор, а тяжёлый, долгий взгляд, от которого становилось не по себе. Старики шептались, что в Русальную неделю тут не только лягушки квакают. Говорили, что вода в те дни становится «не своей» — будто кто-то подменил её, оставив прежнюю форму, но вынув из неё душу. И в этой чужой воде живут те, кому не нашлось места ни на земле, ни под землёй.

Арсений, молодой краевед, приехал сюда за легендами.

Ему нужны были сюжеты для сборника «Забытые духи русских земель» — проект, который он сам считал одновременно научной необходимостью и личным вызовом. Он не верил в нечисть — по крайней мере, вслух. Для него русалки, лешие и домовые были не сверхъестественными существами, а культурными кодами, следами древних страхов, зашифрованными в сказках и поверьях. Он считал, что за каждым чудом прячется либо обман, либо забытое знание. А ещё — что именно в таких местах, где люди боятся даже произносить названия духов, и прячется самая настоящая история.

Он снял комнату у местной учительницы, Марии Петровны, женщины строгой, но не злой. Она сразу предупредила: — К озеру не ходи. Особенно в одиночку.

— Это из-за легенд? — спросил Арсений, стараясь говорить спокойно, будто речь шла о прогнозе погоды.

Мария Петровна посмотрела на него так, как смотрят на человека, который собирается сунуть руку в работающий механизм.

— Легенды не на пустом месте растут, — сказала она, не повышая голоса. — Если люди столетиями обходят место стороной, значит, есть причина. Даже если ты её не видишь.

Но Арсений не собирался слушать предостережения. Он приехал работать, а не бояться. В первый же вечер он отправился к озеру, прихватив с собой блокнот, диктофон и маленький фонарик, который, как он надеялся, добавит уверенности в темноте.

Сумерки опускались на Залесье быстро, будто кто-то тянул за невидимую верёвку, затягивая небо в плотный узел. Воздух становился тяжелее, в нём появлялся запах сырой земли, прелой листвы и чего-то ещё — чего-то древнего, затхлого, будто из приоткрытого погреба, где годами хранили забытые вещи. Арсений шёл по тропинке, которая когда-то была широкой дорогой, а теперь превратилась в узкую ленту, теряющуюся в высокой траве. Он записывал всё: как меняется цвет неба, как затихают птицы, как ветер вдруг замирает, словно прислушиваясь к чему-то.

Когда он вышел к берегу, озеро встретило его тишиной, которая была не просто отсутствием звуков, а чем-то самостоятельным, почти враждебным. Вода казалась неподвижной, зеркальной, но в этом зеркале не отражалось ничего, кроме серого неба и тёмных силуэтов деревьев. Арсений почувствовал, как по спине пробежал холодок — не от ветра, а от чего-то другого, от ощущения, что за ним наблюдают.

Он опустился на корточки у самой кромки воды и заметил на мокром песке странный узор: будто кто-то прочертил по поверхности длинные линии, сходящиеся в одну точку у самой воды. Линии были ровными, почти геометрическими, и в то же время в них чувствовалась какая-то судорожная спешка, будто их рисовали в темноте, на ощупь. Рядом с узором был отпечаток, похожий на след босой ноги, но с неестественно длинными пальцами — будто у человека, который слишком долго ходил по воде и от этого его ступни

вытянулись, приспособившись к новой стихии.

Арсений провёл пальцем по контуру следа. Песок был влажным, но не липким, а каким-то зернистым, будто смешанным с мелкой пылью. Он достал фотоаппарат, сделал несколько снимков, потом наклонился ближе, пытаясь разглядеть детали. В этот момент ему показалось, что вода у берега чуть колыхнулась, хотя ветра не было. Он замер, прислушиваясь, но услышал только собственное дыхание и далёкий крик какой-то ночной птицы.

На второй день Арсений разговорился с местной старухой, бабой Нюрой. Её дом стоял на окраине села, почти у самого леса, и казался частью этого леса — брёвна поросли мхом, крыша просела, а окна смотрели на мир устало, будто видели слишком многое. Баба Нюра сидела на крыльце, куталась в старый платок и смотрела куда-то вдаль, туда, где начинался лес и заканчивалась привычная жизнь.

— Ты тут не шуми, — сказала она, даже не повернувшись к Арсению. — Они не любят, когда их трогают словами.

— Кто «они»? — спросил он, стараясь говорить непринуждённо, будто речь шла о соседских курах.

Баба Нюра медленно повернула голову. Её глаза были тёмными, почти чёрными, и в них отражался не свет дня, а что-то древнее, холодное.

— Русалки нынче не те, что раньше, — проговорила она тихо, будто боялась, что её услышат. — Раньше они пели, а теперь... шепчут. И если услышишь шёпот — не обращай-

вайся.

— Почему? — спросил Арсений, хотя уже знал, что не хочет слышать ответ.

— Потому что, если обернёшься, увидишь то, что не сможешь забыть. А если сможешь — всё равно не поверишь, пока не станет поздно.

Она замолчала, снова уставившись вдаль. Арсений хотел спросить ещё что-то, но почувствовал, что слова застряли в горле. Он поблагодарил её и пошёл прочь, но всю дорогу до дома ему казалось, что за его спиной кто-то идёт, ступая мягко, бесшумно, оставляя на земле следы с длинными пальцами.

Ночью Арсений не мог уснуть. Ему казалось, что из темноты доносится тихий, настойчивый шёпот, будто кто-то повторяет одно и то же слово, но разобрать его не получалось. Слово было знакомым и в то же время чужим, как будто его произносили на языке, который он когда-то знал, но забыл. Он встал, подошёл к окну и увидел на берегу фигуру: женщина с длинными спутанными волосами стояла неподвижно, словно вырезанная из тумана. Её силуэт был размытым, будто свет не мог удержаться на нём, соскальзывая, как вода с гладкого камня. Когда Арсений моргнул, её уже не было.

Утром он нашёл у порога мокрый гребень с резными узорами. Металл был холодным, будто его только что вытащили из ледяной воды. На зубцах налипли тонкие пряди водорослей и что-то похожее на человеческие волосы — длинные,

тёмные, с лёгким зеленоватым отливом. Арсений взял гребень осторожно, двумя пальцами, будто боялся, что он укусит. Он осмотрел его, сфотографировал, записал в блокнот все детали, а потом положил в рюкзак, решив, что это может быть важным артефактом для его исследования.

В тот момент он ещё не понимал, что совершил ошибку, которую нельзя исправить простым объяснением. Он не просто нашёл гребень — он взял его. А в мире, где граница между реальностью и легендой тоньше паутины, взять что-то, принадлежащее воде, значит заключить негласный договор. И плата по этому договору может оказаться выше, чем он готов заплатить.

Он решил спуститься к воде и бросить гребень обратно. Он думал, что это какой-то местный ритуал, забытый розыгрыш, но когда подошёл к берегу, увидел на поверхности воды круги, расходившиеся от невидимой точки. Круги были идеальными, будто кто-то бросал в воду камешки, но Арсений знал, что рядом никого нет. А потом из воды медленно поднялась рука — бледная, полупрозрачная, с длинными пальцами, и на мгновение ухватила за край коряги, торчавшей из воды, как сломанный зуб. Кожа на руке была покрыта тонкой сеткой вен, а ногти были длинными и изогнутыми, словно когти.

В тот момент Арсений понял: легенды не просто так живут в памяти людей. За ними прячется что-то настоящее, древнее и очень опасное. Что-то, что ждало своего часа, что-

бы напомнить о себе.

Он уже собирался бежать, когда услышал голос прямо у себя за спиной — негромкий, но отчётливый, будто кто-то говорил ему на ухо, не открывая рта:

— Ты нашёл то, что мы потеряли. Теперь ты должен вернуть.

Арсений обернулся. Перед ним стояла та самая женщина из тумана, но теперь он видел её целиком. Её кожа была бледной, почти прозрачной, а в волосах запутались речные травы, тонкие стебли кувшинок и что-то похожее на жемчужины, но слишком неправильной формы, чтобы быть настоящими. Глаза у неё были нечеловечески большие, с узкими зрачками, и в них отражалась не вода, а что-то бесконечно глубокое и тёмное — будто в них можно было утонуть, даже не касаясь поверхности.

— Что вернуть? — прошептал он, чувствуя, как слова царапают горло.

Русалка чуть наклонила голову, и капли воды скатились с её волос, как слёзы.

— То, что ты взял. То, что связывает нас с этим миром. Без него мы исчезаем.

И тут Арсений вспомнил: он не просто нашёл гребень. Он взял его в руки, осмотрел, положил в рюкзак. Он нарушил неписаное правило: не брать то, что принадлежит воде.

— Я не хотел... — начал он, но русалка подняла руку, и вода вокруг зашевелилась, будто живая, поднимаясь лёгки-

ми волнами, которые не были похожи на обычные. Они двигались не от ветра, а как будто по чьей-то воле.

— Теперь поздно. Ты уже стал частью истории.

«Шёпот под водой». Глава 2

Арсений стоял перед русалкой, и время будто раскололось на две половины: до этого мгновения и после. До — была работа, легенды, блокнот, аккуратные записи, вера в то, что всему найдётся рациональное объяснение. После — только холод, липкий, пробирающий до костей, и ощущение, что земля под ногами стала зыбкой, как прибрежный ил, который только притворяется твёрдым.

Русалка не шевелилась, но вода вокруг неё жила своей жизнью: маленькие волны поднимались и опадали в странном ритме, будто озеро дышало. Арсений хотел сделать шаг назад, но ноги не слушались. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и это единственное острое, реальное ощущение удерживало его от того, чтобы просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не происходит.

— Ты уже стал частью истории, — повторила русалка, и её голос звучал не как речь, а как эхо, отразившееся от множества поверхностей сразу: от воды, от камней, от деревьев, от самого воздуха.

— Я могу просто положить гребень обратно, — проговорил Арсений, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но в нём всё равно слышалась дрожь. — Прямо сейчас. Я не хотел ничего забирать.

Русалка чуть склонила голову, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость — усталость существа, которое слишком долго ждёт и слишком часто разочаровывается.

— Гребень — это не вещь. Это узел. Он держит нас здесь. Если узел развязать, мы уйдём туда, где нам не место. И тогда... начнётся другое.

— Что начнётся? — спросил Арсений, хотя часть его отчаянно хотела не знать ответа.

— То, что было до людей. То, что не любит людей.

Она сделала шаг вперёд, и вода расступилась перед ней, будто признавая её своей. Арсений наконец смог пошевелиться и отступил, споткнувшись о корягу. Падение было бы нелепым, почти комичным, если бы не холод, который тут же впился в его бок, и не ощущение, что из воды что-то тянется к его ноге, осторожно, на пробу. Он резко дёрнул ногой, вскочил и попятился, пока не упёрся спиной в шершавый ствол старой ивы.

В этот момент из леса донёсся крик — резкий, человеческий, такой обычный и такой неуместный здесь. Арсений замер, прислушиваясь. Крик повторился, на этот раз ближе, и следом послышался треск веток, будто кто-то ломился через кусты, не разбирая дороги.

Через несколько мгновений на берег выскочил мальчишка лет двенадцати, в мокрой куртке, с расцарапанными руками и глазами, в которых плескался настоящий, непритворный ужас. Он замер, увидев Арсения, потом перевёл взгляд

на русалку — и попятился так резко, что чуть не свалился в воду.

— Не подходи к ней! — выкрикнул он, голос сорвался на хрип. — Она зовёт! Я слышал, как она зовёт!

Русалка не смотрела на мальчика. Её взгляд оставался прикован к Арсению, будто он был единственным, кто имел значение.

— Как тебя зовут? — тихо спросил Арсений, не сводя глаз с русалки, но обращаясь к мальчишке.

— Ваня, — просипел тот, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Я... я шёл по берегу, а потом услышал... этот шёпот. Он был везде. Я хотел убежать, а ноги будто сами повернули к воде.

Арсений быстро прикинул: если мальчишка действительно слышал шёпот и чуть не шагнул в озеро, значит, воздействие распространяется. Это уже не локальная легенда, не одиночный феномен. Это что-то системное, и оно набирает силу. В голове у него щёлкнуло привычное, профессиональное: зафиксировать, классифицировать, найти источник. Но сейчас эта привычка казалась смешной и жалкой, как попытка измерить грозу линейкой.

— Ты видел ещё кого-нибудь у воды? — спросил он, стараясь говорить спокойно, чтобы не напугать Ваню ещё сильнее.

Тот помотал головой, потом вдруг замер, будто что-то вспомнил.

— Старуха... баба Нюра. Она сказала, что нельзя слушать. Сказала, что если услышишь, надо затыкать уши и бежать. А я... я не послушал.

Русалка медленно подняла руку, и на поверхности воды начали появляться круги, но теперь они расходились не от одной точки, а от множества, будто под водой что-то шевелилось, поднималось к поверхности. Арсений почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

— Нам нужно уйти отсюда, — сказал он, протягивая Ване руку. — Сейчас.

Но мальчик не двигался. Его взгляд был прикован к воде, где из глубины поднимались смутные силуэты — нечёткие, размытые, но достаточно отчётливые, чтобы понять: они не одни.

— Они зовут меня, — прошептал Ваня, и в его голосе не было страха — только странная, пугающая покорность.

Арсений резко схватил его за плечо, встряхнул.

— Нет. Ты не пойдёшь. Слышишь? Не пойдёшь.

Ваня моргнул, будто выныривая из транса, и снова стал обычным испуганным мальчишкой.

— Да, — пробормотал он. — Да, я не пойду.

Они побежали, спотыкаясь о корни, скользя на мокрой траве, не разбирая дороги. Русалка не преследовала их, но Арсений чувствовал её взгляд между лопаток, тяжёлый и холодный, как капля воды, застывшая на коже.

Когда они выбрались на тропу, ведущую к селу, Ваня оста-

новился, тяжело дыша, и посмотрел на Арсения так, будто видел его впервые.

— Вы ведь не просто так приехали, да? — прохрипел он.
— Вы что-то ищете.

— Ищу, — признался Арсений. — Только теперь я не уверен, что хочу это найти.

Дома у Марии Петровны пахло сушёными травами, печным дымом и чем-то уютным, почти забытым — как будто этот запах принадлежал другому, спокойному миру, который ещё не знал про шёпот под водой. Арсений сидел за кухонным столом, перед ним лежал блокнот, но страницы оставались пустыми. Он пытался собрать мысли, разложить их по полочкам, но они рассыпались, как сухие листья на ветру.

Мария Петровна молча поставила перед ним чашку горячего чая с мятой и села напротив, сложив руки на коленях.

— Рассказывай, — сказала она просто.

И Арсений рассказал. Всё: про гребень, про русалку, про Ваню и про то, как вода будто ожила. Он ожидал, что она либо рассмеётся, либо начнёт говорить про галлюцинации, переутомление и дурные сны. Но Мария Петровна слушала, не перебивая, и только время от времени кивала, будто слышала не новую историю, а подтверждение старых подозрений.

— Значит, узел рвётся, — проговорила она, когда Арсений замолчал.

— Какой узел? — он почувствовал, как внутри снова поднимается холод.

— Тот, что держит их между мирами. Баба Нюра говорила, что в этом году всё иначе. Русальная неделя была слишком тихой. Слишком... правильной. А тишина перед бурей всегда обманчива.

— И что теперь будет? — спросил Арсений.

— Теперь они будут искать, чем заткнуть дыру. И если не найдут, дыра станет больше.

Он посмотрел на свой рюкзак, где лежал гребень, завернутый в кусок ткани. Теперь этот предмет казался не артефактом для исследования, а бомбой с тикающим механизмом.

— Мне нужно вернуть его, — сказал он.

Мария Петровна покачала головой.

— Просто вернуть недостаточно. Нужно знать, как. Иначе ты не только не исправишь, а сделаешь хуже.

— Тогда расскажите, как, — настаивал Арсений.

Она помолчала, будто взвешивая каждое слово.

— Есть один человек. Старик Егор. Он раньше рыбачил на этом озере, знал его как свои пять пальцев. Говорят, он видел то, чего не должен был видеть, и остался жив. Если кто и знает, как обращаться с водой, так это он.

Дом Егора стоял на самом краю села, почти у опушки леса, и выглядел так, будто сам лес постепенно забирал его обратно: крыша поросла мхом, окна были затянуты паутиной, а крыльцо скрипело, словно жаловалось на каждый шаг. Когда Арсений постучал, изнутри донёсся хриплый голос:

— Входи, коли пришёл. Я тебя ждал.

Егор сидел у печки, в старом кресле, и смотрел на Арсения не с любопытством, а с усталым знанием, будто уже знал всё, что тот собирался сказать.

— Ты взял гребень, — произнёс старик, не спрашивая, а констатируя факт.

— Откуда вы знаете? — пробормотал Арсений.

— Вода шепчет. А я научился слушать. Не так, как эти мальчишки, что бегут к берегу на первый зов. Я слушаю, чтобы понимать.

— Что мне делать? — спросил Арсений прямо.

Егор наклонился вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то древнее, тяжёлое.

— Вернуть — это полдела. Нужно вернуть правильно. Есть обряд. Старый. Почти забытый. Но если сделаешь не так — они не примут. И тогда узел не затянется, а порвётся окончательно.

— Расскажите.

Старик помолчал, будто решая, стоит ли ввязываться в это снова.

— На закате пойдёшь к воде. Возьмёшь гребень. И скажешь слова, которые я тебе дам. Ни больше, ни меньше. И главное — не смотри им в глаза. Ни на секунду. Потому что если посмотришь, они увидят, чего ты боишься. А страх — это ключ.

Арсений кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от понимания: впереди не просто ритуал, а испытание, где лю-

бая ошибка может стать последней.

На улице темнело, и воздух становился всё тяжелее, будто небо опускалось ниже, прижимая село к земле. Арсений вышел из дома Егора и остановился, прислушиваясь. И в этот момент он снова услышал шёпот — тихий, настойчивый, проникающий в самое сознание. Он не был похож на голос русалки. Он был соткан из множества голосов, из шёпота воды, ветра, травы, из всего, что жило у озера и ждало своего часа.

«Ты уже стал частью истории», — прозвучало у него в голове, и на этот раз это был не голос русалки, а что-то большее, древнее, равнодушное.

Арсений сжал кулаки и пошёл вперёд. У него не было выбора. Но теперь он знал: расследование, которое он начал ради книги, превратилось в нечто гораздо более личное. И гораздо более опасное.

«Шёпот под водой». Глава 3

Солнце садилось так медленно, будто само не хотело оставлять село наедине с тем, что поднималось из глубины озера. Небо наливалось тяжёлым багровым цветом, и даже облака казались пропитанными чем-то густым, почти осязаемым. Арсений шёл к берегу, и каждый его шаг отдавался в груди глухим эхом, как будто земля запоминала, кто по ней ступает.

В кармане куртки лежал листок, исписанный корявым почерком Егора: на нём были слова обряда — короткие, рубленые, будто не фразы, а команды. Старик предупредил: ни интонацию, ни порядок менять нельзя. «Вода слушает не смысл, а ритм, — сказал он. — Если собьёшься, она решит, что ты споришь».

Гребень Арсений нёс не в рюкзаке, а в руке, плотно зажав в перчатке, будто боялся, что холод металла просочится сквозь кожу и доберётся до сердца. Перчатка была старой, шерстяной, с протёртым большим пальцем — обычная вещь из нормальной жизни, нелепая рядом с тем, что ему предстояло сделать. Этот бытовой контраст странным образом придавал сил: пока на нём эта перчатка, он всё ещё человек, а не просто фигура в древнем сценарии.

Когда он вышел к берегу, озеро встретило его не тишиной, а странным, неестественным спокойствием. Вода засты-

ла, как стекло, и в этом стекле отражалось не небо, а что-то другое — будто поверхность стала экраном, показывающим иной мир. В воздухе висел запах сырости и железа, как после грозы, которая так и не разразилась.

На берегу никого не было. Ни русалки, ни смутных силуэтов, ни даже птиц. Только ветер, который вдруг стих, будто кто-то выключил его, как лампочку. И в этой тишине шёпот стал громче. Он не звучал снаружи — он рождался внутри головы, тихий, настойчивый, похожий на повторяющееся слово, которое Арсений никак не мог разобрать. Оно крутилось на краю сознания, как застрявшая пластинка.

Арсений остановился у самой кромки воды, где песок был мокрым и тёмным, словно впитал в себя весь сумрак. Он достал листок, развернул его дрожащими пальцами и начал читать слова, которые дал ему Егор. Голос звучал хрипло, непривычно громко в этой мёртвой тишине. Первые фразы дались легко, будто язык сам помнил этот ритм, но на третьей строке Арсений запнулся. Слово, которое должно было звучать твёрдо, вышло с запинкой, как будто язык отказался его произносить.

И в тот же миг вода дрогнула.

Не волной — а будто кто-то провёл под поверхностью невидимым пальцем, оставив тонкую, дрожащую линию. Арсений замер, чувствуя, как по спине ползёт ледяной холод. Он сжал листок крепче и снова начал ту же фразу, на этот раз чётко, без колебаний. На этот раз слово прозвучало пра-

вильно, и линия на воде исчезла, будто её и не было.

Но тишина больше не была пустой. Из глубины начали подниматься круги — не от брошенного камня, а сами по себе, идеальные, нарастающие, как пульс. И из этих кругов стали проявляться силуэты: сначала только очертания, размытые, как тени на мокром стекле, а потом всё чётче, яснее.

Русалка появилась не из воды, а будто из самого воздуха, сгустившегося над поверхностью. Она стояла в нескольких шагах от Арсения, и её глаза были чёрными, без зрачков, как две бездонные дыры. Рядом с ней, чуть позади, возникли ещё две фигуры — более бледные, почти прозрачные, с длинными, тонкими руками, которые тянулись к воде, словно хотели слиться с ней.

— Ты пришёл вернуть, — проговорила русалка, и её голос звучал не как речь, а как звук, который рождается сразу в нескольких местах: в ушах, в груди, в костях. — Но ты запнулся.

— Я исправился, — выдавил Арсений, стараясь не смотреть ей в глаза, как велел Егор. Он опустил взгляд на воду, на свои ботинки, на песок — куда угодно, только не в эту чёрную пустоту.

— Исправить можно не всё, — ответила она, и одна из теней за её спиной медленно протянула руку к Арсению. Пальцы были длинными, изогнутыми, с полупрозрачной кожей, сквозь которую просвечивали тонкие синие линии вен.

Он попятился, но тут же понял, что отступить некуда: за

спиной был крутой склон, поросший кустарником, а впереди — вода и те, кто из неё вышел. В этот момент он вспомнил ещё одно предупреждение Егора: «Пока читаешь, не делай резких движений. Вода не любит суеты».

Арсений снова посмотрел на листок и продолжил, на этот раз не останавливаясь, не давая себе времени на страх. Слова лились из него, как вода, и с каждым произнесённым звуком круги на поверхности становились меньше, будто их втягивало обратно в глубину. Тени за спиной русалки начали мерцать, как изображения на старом телевизоре, теряя чёткость.

Русалка наклонила голову, и капли воды скатились с её волос, падая на песок и шипя, как раскалённые угли.

— Ты знаешь слова, — проговорила она. — Но знаешь ли ты цену?

— Цена — вернуть гребень, — сказал Арсений, и в этот раз его голос прозвучал твёрже. Он протянул руку с гребнем вперёд, держа его так, чтобы не коснуться воды, но чтобы она могла его взять.

Русалка не шевельнулась. Вместо неё вперёд вышла одна из теней. Она двигалась странно, будто каждый шаг давался ей с усилием, как будто сама материя сопротивлялась её присутствию. Тень протянула руку к гребню, и в тот момент, когда её пальцы почти коснулись металла, Арсений почувствовал, как что-то внутри него сжалось от ужаса — не обычного, человеческого, а древнего, впитанного с воздухом этого места. Ему показалось, что если тень возьмёт гребень, то

вместе с ним она заберёт и часть его самого — его память, его голос, его право называться человеком.

Он отдёргнул руку.

Тишина взорвалась звуком — не криком, не громом, а низким, вибрирующим гулом, который шёл не извне, а изнутри земли. Вода взметнулась вверх, образуя стену, которая на мгновение закрыла небо. Силуэты теней стали резкими, чёткими, их глаза вспыхнули тусклым светом, и они двинулись вперёд, медленно, неумолимо.

И тут из темноты, со стороны леса, раздался голос — резкий, человеческий, такой неуместно обычный в этом кошмаре:

— Эй! Назад! Не трогай его!

Это был Ваня. Он стоял на склоне, держа в руках длинную палку, и смотрел на русалок с ужасом, но не отступал.

— Уходи! — крикнул Арсений, но Ваня только мотнул головой.

— Я слышал шёпот, — прохрипел он. — Я не хочу снова слышать. Я помогу.

Русалки замерли. Их головы медленно повернулись к мальчику, и в этот момент Арсений понял: они реагируют на звук, на голос, на человеческую речь. Пока они слушают, они не могут двигаться.

— Стой там! — крикнул Арсений, стараясь говорить громко и чётко, как будто отдавал приказ не Ване, а самой воде. — Не подходи ближе!

Ваня замер, сжимая палку так, что побелели костяшки пальцев. Русалки снова повернулись к Арсению, и он увидел, как в их глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение — будто им мешали.

Тогда он сделал то, чего не должен был делать по правилам обряда: он шагнул вперёд, прямо к кромке воды, и бросил гребень в озеро. Металл ударился о поверхность и исчез, будто его и не было, а вода сомкнулась над ним, гладкая и равнодушная.

Круги на воде стали шире, быстрее, и из них поднялся столб брызг, который закрутился в спираль, втягивая в себя тени. Русалки не кричали, не шевелились — они просто растворялись, как дым на ветру, пока от них не осталось ничего, кроме лёгкого мерцания на поверхности воды.

Стена воды рухнула вниз, обдав Арсения холодными брызгами. Он пошатнулся, но устоял, чувствуя, как дрожь проходит сквозь него, оставляя после себя странную, звенящую пустоту.

Ваня сбежал по склону и остановился рядом, тяжело дыша.

— Они ушли? — прошептал он.

— Думаю, да, — ответил Арсений, хотя не был уверен ни в чём. Он посмотрел на воду: она снова стала обычной — тёмной, спокойной, отражающей багровое небо. Но он знал, что теперь она помнит. И он тоже.

Они шли обратно к селу, и каждый шаг давался тяжелее

предыдущего. Когда они поднялись на тропу, Арсений обернулся. Озеро лежало внизу, тихое и неподвижное, но ему показалось, что на поверхности воды мелькнул слабый отсвет — как будто что-то под водой моргнуло и снова спряталось.

«Шёпот под водой». Глава 4

После ритуала село будто накрыло тонкой, почти незаметной плёнкой тишины — такой, которая не успокаивает, а заставляет прислушиваться. И в этой тишине начали проступать странные вещи.

Первыми тревогу подняли дети. Утром в школе Мария Петровна заметила, что Ваня сидит, уткнув подбородок в ладони, и смотрит в одну точку так, будто видит сквозь стены.

— Ваня, ты меня слышишь? — спросила она, наклоняясь к нему.

Он вздрогнул, будто его выдернули из глубокого сна, и быстро заморгал.

— Да, слышу. Просто... мне опять снилось озеро. Только на этот раз оно было не у нас. Оно было везде: в коридоре, в классе, даже в чашке с чаем. И оттуда шёл шёпот.

Мария Петровна замерла, и в груди у неё что-то сжалось. Она знала этот взгляд — взгляд человека, который начинает верить в то, что раньше считал сказкой.

— А что шептали? — тихо спросила она, хотя почти боялась услышать ответ.

Ваня нахмурился, словно пытался вытащить из памяти обрывок фразы.

— Не слова. Просто... зов. Как будто кто-то очень далеко тянет тебя за рукав и просит: «Иди сюда. Мы тебя ждём».

Она положила руку ему на плечо, стараясь, чтобы прикосновение было тёплым и настоящим, заземляющим.

— Ты никуда не пойдёшь. Слышишь? Это просто сон.

Но Ваня посмотрел на неё так, будто хотел сказать: «А если это не сон?»

Тем временем в селе начали происходить вещи, которые уже нельзя было списать на сны. У колодца на краю улицы вода вдруг стала мутной, с зеленоватым оттенком, будто в неё высыпали толчёные водоросли. Когда Евдокия, местная доярка, набрала ведро, на поверхности всплыли тонкие, полупрозрачные нити, похожие на паутину, только холодные и скользкие. Она вылила воду обратно, перекрестилась и сказала:

— Нечистая. Пусть стоит.

К полудню ещё в трёх дворах заметили то же самое: вода в колодцах становилась странной — то слишком холодной, будто из проруби, то начинала слабо мерцать в темноте, если смотреть на неё долго. А в одном доме кран вообще перестал течь: из него доносился тихий звук, похожий на отдалённый плеск, и только изредка, раз в несколько минут, вырывалась капля, тяжёлая и вязкая, как ртуть.

Арсений узнал обо всём к вечеру, когда пришёл к Марии Петровне за советом. Она сидела у окна, держа в руках чашку остывшего чая, и выглядела так, будто за один день постарела на несколько лет.

— Это не просто побочный эффект, — сказала она, не

поднимая глаз. — Это как эхо. Ты вернул гребень, но узел не затянулся до конца. Озеро... оно теперь ищет другой способ удержаться.

— Другой способ? — переспросил Арсений, чувствуя, как внутри снова поднимается тот самый ледяной холод.

— Оно цепляется за тех, кто уже слышал шёпот. За тех, кто хоть раз обернулся. Ваня — не единственный. Старик Прокопий сегодня утром говорил, что ему всю ночь снилось, будто он плывёт, хотя он в жизни не умел плавать. А у Лизы, дочки пекаря, на руке появились тонкие белые линии, как следы от воды, которые не смываются.

Арсений сжал кулаки. Он хотел верить, что всё закончилось, что он всё исправил. Но реальность упрямо складывалась в другую картину — страшную, холодную, настойчивую.

Ночью шёпот добрался и до него.

Сначала Арсений думал, что это ветер — он гудел в щелях старого дома, шевелил занавески, стучал в стекло, как будто просился внутрь. Потом он понял: ветер не умеет повторять одно и то же. А шёпот повторял. Это был не голос, а ощущение — будто кто-то шепчет прямо в висок, так тихо, что слова не разобрать, но смысл пробирается под кожу: «Ты знаешь, где граница. Ты её пересёк. Теперь ты тоже наш».

Он сел на кровати, включил лампу и уставился на дрожащий круг света. В темноте за его пределами что-то двигалось — не фигура, не тень, а просто сгущение мрака, которое

на секунду становилось плотнее, а потом снова растекалось. Арсений схватил блокнот и начал писать, просто чтобы слышать звук карандаша по бумаге — обычный, человеческий, спокойный звук, который должен был перекрыть шёпот.

«Это не реально, — писал он, выводя буквы крупно, почти грубо. — Это усталость. Это стресс. Это игра воображения».

Но когда он поднял глаза от страницы, на стене напротив он увидел тонкий узор из капель воды, стекающих сверху вниз, хотя крыша не текла, а окна были закрыты. Капли собирались в линии, складывались в знаки, которых он не знал, и исчезали, оставляя после себя только влажный след.

На следующее утро Арсений пошёл к Егору. Старик сидел у печки, будто и не ложился спать, и смотрел на дверь так, будто знал, кто сейчас постучит.

— Ну, пришёл, — проговорил он, когда Арсений переступил порог. — Значит, эхо пошло по селу.

— Что это значит? — спросил Арсений, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрожал.

Егор медленно наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Значит, узел не затянут. Он держится на ниточке. И пока эта ниточка есть, озеро будет искать, за что ухватиться. За сны, за воду, за тех, кто слышит.

— Можно ли её обрезать? — спросил Арсений. Старик покачал головой.

— Нельзя обрезать то, чего не видишь. Можно только связать крепче. Или найти то, что держит узел с другой стороны.

— С другой стороны?

— Там, где вода встречается с землёй. Там, где начинается и заканчивается граница. Раньше в этих местах ставили камни-обереги. Рисовали знаки на сваях. Говорили слова, которые знали только старики. Сейчас всё забыто. Почти всё.

— Почти? — ухватился за слово Арсений.

Егор помолчал, потом встал, подошёл к сундуку в углу и достал старую, потрёпанную тетрадь. Бумага была жёлтой, края — обтрёпанными, а чернила выцветшими, но слова всё ещё можно было разобрать.

— Мой дед записывал. Не всё, конечно. Кое-что он не стал класть на бумагу — говорил, что бумага может предать. Но тут есть одно место. Старая мельница на ручье, что впадает в озеро. Там раньше был порог, и на нём стоял камень с резьбой. Если камень ещё там, на нём могут быть нужные знаки.

Арсений взял тетрадь, чувствуя, как пальцы дрожат.

— Я пойду туда.

— Один не ходи, — сказал Егор, и в первый раз в его голосе прозвучало что-то похожее на тревогу. — Если узел рвётся, он тянет за собой всё, что рядом. А ты уже стоишь слишком близко.

Когда Арсений вышел на улицу, первое, что он увидел, был Ваня. Мальчик стоял у забора, прижимая к уху пустую жестяную банку, будто пытался поймать какой-то далёкий

звук.

— Ваня! — окликнул его Арсений.

Мальчик вздрогнул и опустил руку. На его лице было странное выражение — смесь страха и облегчения, как будто он только что выбрался из кошмара, но знал, что кошмар никуда не делся.

— Я слышу их, — прошептал он. — Не везде. Только когда закрываю глаза. Они говорят, что я им нужен. Что я знаю дорогу.

— Какую дорогу? — спросил Арсений, хотя боялся услышать ответ.

— К воде. К тому месту, где всё начинается.

И в этот момент Арсений понял: Ваня действительно знает. Может быть, не умом, а чем-то другим — памятью тела, памятью крови, памятью места. И если озеро ищет, за что зацепиться, оно выберет того, кто уже наполовину с ним связан.

— Пойдёшь со мной? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без нажима. — Есть одно место. Старая мельница. Может, там мы найдём, как всё это остановить.

Ваня посмотрел на него долго, будто взвешивал каждое слово, а потом медленно кивнул.

— Хорошо. Только... можно я возьму с собой палку?

Арсений улыбнулся, и это была первая настоящая улыбка за последние дни — горькая, усталая, но настоящая.

— Конечно. Пусть будет палка.

Они пошли по тропинке, которая вела через лес к ручью. Солнце светило, птицы пели, трава шелестела под ногами — всё было таким обычным, таким нормальным, что на секунду можно было поверить, будто ничего не происходит. Но Арсений знал: эта нормальность теперь была хрупкой, как тонкий лёд. И под ним шевелилось что-то древнее, холодное и очень терпеливое.

«Шёпот под водой». Глава 5

Тропа, которая раньше казалась Арсению просто заросшей лесной дорожкой, теперь будто нарочно петляла, уводя в сторону от нужного направления. Деревья стояли слишком плотно, будто сдвинулись за ночь, закрывая проход. Ваня шёл впереди, крепко сжимая палку, и время от времени останавливался, прислушиваясь — не к лесу, а к чему-то внутри себя.

— Тут всё не так, — пробормотал он, оглядываясь на Арсения. — Раньше ручей слышно было издалека. А сейчас... будто его накрыли подушкой.

Арсений хотел ответить что-то успокаивающее, но слова застревали в горле. Воздух был густым, тяжёлым, будто пропитанным влагой, хотя дождя не было. И в этой влажности прятался шёпот — не громкий, не настойчивый, а вкрадчивый, как будто озеро училось говорить шёпотом даже там, где не было воды.

Когда они наконец вышли к ручью, перед ними открылась картина, от которой у Арсения похолодели руки.

Старая мельница стояла на берегу, покосившаяся, с прогнившими досками и наполовину обрушившейся крышей. Но страшнее всего было не запустение, а то, как она выглядела... неправильно. Окна, которых раньше не было, зияли тёмными провалами на глухой стене. Дверь, которую Арсе-

ний точно помнил деревянной, теперь казалась отлитой из мокрого камня, покрытого зелёным налётом. А над входом висел странный знак — не резьба, а будто выжженный на воздухе узор, который мерцал, когда на него падал свет.

Ручей, который должен был весело бежать по камням, теперь тек медленно, тяжело, как густая смола. Вода не журчала — она шептала, и в этом шёпоте Арсений различал обрывки слов, будто кто-то пытался говорить под водой, не умея дышать.

— Камень с резьбой, — прошептал он, оглядываясь по сторонам. — Егор говорил, он должен быть на пороге, у самого порога воды.

Ваня кивнул, но не двинулся с места. Его глаза расширились, и он прижал палку к груди, словно это был щит.

— Там кто-то есть, — прохрипел он. — Я слышу. Не слова. Голоса. Много.

И тут из-за угла мельницы вышла фигура.

Это была не русалка. Это был старик в длинном, тёмном плаще, который казался мокрым, хотя ни капли воды на нём не было. Его волосы свисали прядями, похожими на водоросли, а лицо было бледным, почти прозрачным, как лунный свет на воде. Он остановился в нескольких шагах от них и посмотрел на Арсения не глазами, а чем-то глубже — будто видел не тело, а самую суть.

— Вы пришли за узлом, — произнёс старик, и его голос звучал так, будто шёл сразу из нескольких мест: из воды, из

ветра, из самой земли. — Но узел не отдают просто так.

— Кто вы? — спросил Арсений, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Меня зовут Водяник, — спокойно ответил старик. — Я здесь, чтобы следить за границей. Чтобы она не размывалась. А вы её размыли.

— Мы не хотели, — вдруг выпалил Ваня, шагнув вперёд, хотя Арсений жестом пытался удержать его. — Мы просто хотели всё исправить.

Водяник медленно повернул голову к мальчику, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Исправить можно только то, что понимаешь. А вы не понимаете. Вы думаете, что магия — это слова и предметы. А она — это равновесие. Вы вернули гребень, но не вернули тишину. И теперь озеро ищет, чем заткнуть дыру. Оно цепляется за сны, за воду, за тех, кто слышит. За таких, как он.

Он снова посмотрел на Ваню, и мальчик попятился, будто от удара.

— Он не должен быть частью этого, — настаивал Арсений. — Скажите, что нам делать.

Водяник помолчал, будто взвешивая каждое слово.

— Есть камень. На нём вырезаны знаки, которые держат границу. Но камень больше не там, где был. Его утащило течение. Теперь он лежит на дне, там, где ручей впадает в озеро, и вода над ним крутится, как воронка. Чтобы достать его,

нужно войти в воду. Но войти в воду — значит дать озеру право на тебя.

— Я войду, — сразу сказал Арсений.

— Нет, — резко оборвал Водяник. — Ты уже слишком близко. Озеро знает твой голос. Если ты войдёшь, оно не отпустит.

— Тогда кто? — прошептал Арсений, чувствуя, как внутри всё сжимается от понимания: времени почти не осталось.

Водяник посмотрел на Ваню.

— Тот, кто уже наполовину там. Тот, кто слышит шёпот. Он может пройти по границе, не нарушая её. Но это будет стоить ему чего-то. Всегда стоит.

Ваня побледнел, но не отступил.

— Я могу, — проговорил он, хотя голос его дрожал. — Я... я уже слышу их. Пусть лучше я сделаю это, чем буду просто слушать.

Арсений схватил его за плечо.

— Нет. Это слишком опасно.

— А если я не сделаю, что будет? — спросил Ваня, глядя прямо на него. — Они придут за всеми. За Марией Петровной, за бабой Нюрой, за всеми, кто живёт в селе. Я не хочу этого.

Водяник кивнул, будто подтверждая слова мальчика.

— Он прав. Время на исходе. Воронка над камнем растёт. Ещё день-два, и граница исчезнет совсем. Тогда озеро выйдет на сушу. Не волнами — тишиной. И эта тишина будет

убивать всё, к чему прикоснётся.

Арсений сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Реальность ускользала, превращаясь в кошмар, где правильные решения были самыми страшными.

— Хорошо, — проговорил он наконец. — Но я пойду с ним. До самой кромки. Дальше он один.

Водяник снова кивнул.

— Так и должно быть. Но помни: когда он войдёт в воду, ты не должен звать его. Ни словом, ни криком. Если позовёшь, озеро решит, что ты предлагаешь себя взамен.

Они подошли к месту, где ручей сливался с озером. Здесь вода действительно кружилась, образуя маленькую, но зловещую воронку, которая втягивала в себя всё: листья, ветки, даже свет. В центре воронки, на дне, Арсений разглядел тусклый отблеск — камень с резьбой.

Ваня снял ботинки, закатал штаны и посмотрел на Арсения так, будто прощался.

— Если я не вернусь... скажи Марии Петровне, что я старался.

— Ты вернёшься, — жёстко сказал Арсений, хотя сам не верил в эти слова. — Ты вернёшься.

Мальчик кивнул, сделал глубокий вдох и шагнул в воду.

В тот момент, когда его ноги коснулись поверхности, шёпот стал громче, превратившись в хор голосов, которые сливались в один низкий, вибрирующий звук. Вода вокруг Вани начала подниматься, образуя тонкую стену, которая отде-

ляла его от берега. Он шёл вперёд, медленно, осторожно, и Арсений видел, как его лицо меняется: оно становилось спокойнее, будто страх уходил, уступая место чему-то другому — принятию.

Когда Ваня добрался до воронки, он опустился на колени и протянул руку ко дну. Вода сомкнулась над его ладонью, но он не отдёрнул её. Вместо этого он нащупал камень, поднял его и крепко сжал в руке.

И в этот момент всё вокруг замерло.

Шёпот стих. Воронка исчезла. Вода стала прозрачной, обычной, будто ничего и не было. Ваня поднялся, посмотрел на камень в своей руке и сделал шаг к берегу.

Но прежде чем он успел выйти, из воды поднялась рука — не человеческая, а похожая на сплетение водорослей и костей. Она схватила Ваню за лодыжку, и мальчик вскрикнул.

Арсений рванулся вперёд, но Водяник схватил его за руку железной хваткой.

— Не зови! — прорычал он. — Не зови, если хочешь, чтобы он остался человеком!

Ваня боролся, пытаясь вырваться, но рука держала крепко. Камень выпал из его пальцев и покатился по воде, не тонув, а скользя по поверхности, как будто вода не хотела его принимать.

Тогда Ваня сделал то, чего никто не ожидал: он наклонился, схватил камень зубами и, не разжимая челюстей, рванулся вперёд. Вода расступилась перед ним, и он вылетел на бе-

рег, тяжело дыша, с камнем в зубах.

Рука из воды отпустила его, и поверхность снова стала гладкой.

Ваня выплюнул камень, и тот глухо ударился о землю. На его поверхности Арсений разглядел резные знаки — странные, угловатые, будто вырезанные не инструментом, а самой водой.

— Получилось? — прохрипел Ваня, глядя на Водяника. Тот медленно кивнул.

— Да. Граница снова держится. Но помните: она держится на цене. И цена эта — не забывается.

Он посмотрел на Ваню так, будто видел что-то, чего не видел никто другой, и тихо добавил:

— Теперь ты знаешь дорогу. И они это знают. Будь осторожен.

С этими словами Водяник повернулся и пошёл прочь, растворяясь в тумане, который начал подниматься над водой.

Арсений опустился на колени рядом с Ваней, положил руку ему на плечо и просто сидел так, пока мальчик дрожал, пытаясь вернуть себе обычное дыхание. Камень лежал между ними, холодный и тяжёлый, будто впитал в себя всю тяжесть границы.

«Шёпот под водой». Глава 6

Первые дни после того, как Ваня вытащил камень из воронки, село будто выдыхало: вода в колодцах стала прозрачной, сны у жителей перестали быть кошмарами, даже туман над озером стал обычным — серым, мокрым, но не злобующим. Люди улыбались друг другу на улице, будто сами удивлялись, что могут это делать. Мария Петровна впервые за долгое время напевала что-то себе под нос, пока месила тесто. Даже баба Нюра, выйдя на крыльцо, сказала, глядя на небо:

— Похоже, пронесло.

Арсений хотел в это верить. Он раскладывал свои записи по папкам, складывал фотоаппарат в чехол, уговаривал себя, что пора уезжать, что книга почти готова, а история закончилась. Но каждый раз, когда он смотрел на камень, лежавший в деревянном ящике под замком, его охватывало странное чувство: будто он прячет не артефакт, а бомбу с тикающим механизмом.

Камень молчал. Но это молчание было слишком плотным, слишком тяжёлым. Оно давило на уши, как перед грозой.

А потом всё началось снова.

Первой тревогу заметила Лиза, дочка пекаря. Утром она пришла к Марии Петровне, держа руку так, будто боялась

её уронить. На коже проступили тонкие белые линии — не царапины, не шрамы, а будто рисунок, нанесённый изнутри. Линии шевелились, когда она двигала пальцами, словно под кожей ползли тонкие нити.

— Они появляются снова, — прошептала Лиза, и в её глазах стоял тот самый детский ужас, который не прячется за словами «всё хорошо». — Я мыла руку. Я тёрла щёткой. А они не смываются.

Мария Петровна посмотрела на эти линии и ничего не сказала. Но Арсений, стоявший в дверях, увидел, как у неё дрогнули пальцы.

В тот же день у колодца Евдокия снова вылила воду обратно. На этот раз в ведре плавали не нити, а крошечные, полупрозрачные чешуйки, похожие на рыбы, только слишком правильные, будто вырезанные из слюды.

— Это не рыба, — сказала Евдокия, глядя на Арсения так, будто он должен был всё объяснить. — Рыбы тут не водятся.

К вечеру шёпот вернулся.

Сначала он был тихим — просто ощущение, что кто-то шепчет у самого уха, когда ты поворачиваешься, чтобы посмотреть. Потом он стал громче, начал пробираться в сны. Старик Прокопий проснулся среди ночи с криком, уверяя, что видел, как вода поднимается по стенам его дома и стекает с потолка, как слёзы. А Ваня признался Арсению, что теперь шёпот приходит не только ночью.

— Днём тоже, — сказал он, глядя в сторону, чтобы не

встречаться взглядом. — Когда я стою у забора и смотрю на лес. Он как будто прячется за деревьями. И зовёт.

— Что зовёт? — спросил Арсений, хотя уже знал ответ.

— Не слово. Чувство. Как будто я что-то забыл. Что-то важное. И если я вспомню, всё станет правильно. Но я не хочу вспоминать.

Арсений пошёл к Егору. Старик сидел у печки, но теперь в его взгляде было не спокойствие, а напряжённое ожидание, как у человека, который давно ждёт плохих новостей и наконец их получает.

— Камень не спас, — сразу сказал Арсений, не тратя время на приветствия.

Егор медленно кивнул.

— Он не спасает. Он только запирает дверь. А если кто-то очень хочет войти, он найдёт другую щель.

— Какую щель?

— Ту, которую мы сами оставили открытой. Ты вернул гребень. Ваня достал камень. Но узел держится не на вещах. Он держится на обещаниях. На словах. На связях между людьми и водой. И если одна связь рвётся, озеро ищет другую.

— Чью? — прошептал Арсений.

— Того, кто уже слышал зов. Того, кто однажды шагнул в воду. Того, кто знает дорогу.

Он посмотрел на Арсения прямо, и тот почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Ваня, — выдохнул он.

— Да. Озеро помнит, что он коснулся границы. И теперь оно будет тянуть его обратно. Пока не затянет совсем.

Арсений вскочил, чувствуя, как кровь стучит в висках.

— Нужно спрятать его. Увезти.

Егор покачал головой.

— От этого не уезжают. Если зов уже в крови, он будет слышен везде. Нужно не прятать. Нужно перекрыть путь.

— Как?

Старик помолчал, потом встал и подошёл к сундуку. На этот раз он достал не тетрадь, а маленький мешочек из грубой ткани, туго перетянутый кожаным шнурком.

— Здесь соль. Особая. Её собирали на рассвете, когда туман ещё лежит на воде, и шептали над ней старые слова. Она не прогоняет воду. Но она может удержать границу там, где она тоньше всего.

— Где?

— У старой мельницы. Там, где ручей впадает в озеро. Там, где Ваня достал камень. Это место теперь — дыра. И её нужно заткнуть.

Когда они пришли к мельнице, воздух был густым и холодным, будто пропитанным водой. Даже деревья казались покрытыми тонкой плёнкой влаги, которая не высыхала. Мельница стояла, покосившись, и её тени были слишком длинными, будто тянулись к воде, желая слиться с ней.

Ваня шёл рядом с Арсением, сжимая в руке палку, но на

этот раз она не казалась ему защитой. Он смотрел на воду, и в его глазах было не столько страха, сколько узнавания — будто он видел что-то знакомое, что давно ждал.

— Тут всё другое, — пробормотал он, останавливаясь у кромки воды. — Вода пахнет иначе. Как будто она... злится.

Арсений высыпал соль из мешочка на землю, формируя неровный круг у самой воды. Соль была крупной, сероватой, и когда она касалась мокрого песка, она шипела, будто вода пыталась её растворить, но не могла.

— Теперь скажи слова, — проговорил Егор, стоявший чуть позади, голос его звучал глухо, будто он боялся потревожить тишину.

Арсений не знал этих слов. Их знал только старик. Но Егор покачал головой.

— Не я. Тот, кто ближе к границе. Тот, кого она зовёт.

Все посмотрели на Ваню.

Мальчик побледнел, но не отступил. Он шагнул вперёд, в круг из соли, и посмотрел на воду так, будто разговаривал с кем-то, кого видел только он.

— Я не пойду, — прошептал он, и голос его дрожал, но в нём была твёрдость. — Я слышал вас. Я знаю, что вы хотите. Но я не пойду.

Вода у берега колыхнулась, будто в ответ. Из глубины поднялся тонкий столб брызг, который застыл на мгновение, принимая очертания человеческой фигуры, а потом рассыпался каплями.

— Скажи дальше, — тихо подсказал Егор.

Ваня сглотнул, закрыл глаза и произнёс слова, которые Егор прошептал ему на ухо по дороге. Слова были простыми, почти детскими, но в них было что-то древнее, тяжёлое, как камни на дне озера.

— Граница здесь. Она держится. Я помню. Но я остаюсь по эту сторону.

И в тот момент, когда он произнёс последнюю фразу, вода отступила. Не волной, а как будто кто-то потянул её назад, вглубь. Поверхность стала гладкой, зеркальной, но в этом зеркале не отражалось ничего — ни неба, ни деревьев, ни людей. Только пустота, глубокая и холодная.

Но это длилось лишь мгновение.

Потом зеркало треснуло.

Из воды поднялись руки — не две, не три, а десятки, сотни, будто само озеро вытянуло свои пальцы к берегу. Они не были похожи на человеческие: длинные, тонкие, с перепонками между пальцами, покрытые полупрозрачной кожей, сквозь которую просвечивали тонкие синие линии вен.

Русалки вышли из воды не как фигуры, а как сгустки тьмы, облепленные каплями воды. Их лица были размытыми, будто нарисованными на воде и тут же смытыми, но в их движениях была чёткая, пугающая цель. Они шли к Ване. Не спеша. Неумолимо.

— Назад! — крикнул Арсений, хватая мальчика за руку и дёргая его к себе.

Ваня пошатнулся, но устоял. Соль под ногами шипела, и Арсений вдруг понял: круг держит. Пока они внутри круга, вода не может их коснуться. Но круг был маленьким. И он не мог защитить их вечно.

Одна из русалок остановилась у самой границы, там, где соль соприкасалась с водой. Её лицо медленно обретало черты — острые, хищные, с узкими глазами, в которых не было ничего человеческого. Она протянула руку к Ване, и пальцы замерли в сантиметре от круга, будто натолкнулись на невидимую стену.

— Ты знаешь дорогу, — проговорила она, и её голос звучал не как речь, а как звук, который рождается сразу в нескольких местах: в ушах, в груди, в костях. — Ты уже ступил на неё. Теперь ты не можешь сойти.

— Могу, — прохрипел Ваня, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Я не хочу.

Русалка наклонила голову, и капли воды скатились с её волос, шипя, как раскалённые угли на мокром камне.

— Хочешь. Ты просто боишься признаться.

Она подняла руку, и вода за её спиной поднялась стеной, закрывая небо. В этой стене мелькнули силуэты — десятки, сотни фигур, тянущихся к берегу, к кругу, к мальчику.

И тут из темноты, со стороны леса, раздался голос — резкий, человеческий, такой неуместно обычный в этом кошмаре:

— Эй! А ну назад!

Это была Морена.

Она вышла из леса, и с каждым её шагом туман отступал, будто боялся её. На ней было длинное платье из тёмной ткани, похожей на мокрый мох, а в руках она держала посох, верхушка которого светилась тусклым, холодным светом. Её лицо было спокойным, но в глазах горел ледяной огонь.

— Вы слишком далеко зашли, — проговорила она, не повышая голоса, но её слова звучали так, будто их повторяло эхо со всех сторон сразу. — Граница не для того, чтобы её ломать.

Русалки замерли. Стена воды дрогнула и начала оседать, но не исчезла. Они не отступили, но перестали двигаться вперёд.

— Ты не можешь нам помешать, — проговорила та, что стояла у круга. Её голос стал ниже, тяжелее, будто вода придавила его ко дну. — Мы нашли дорогу. Мы её не отдадим.

Морена шагнула вперёд, и посох в её руке вспыхнул ярче. Свет был не тёплым, а холодным, как лунный свет на льду.

— Дорога не ваша. Она общая. И пока есть те, кто помнит, где она проходит, вы не пройдёте.

Она посмотрела на Ваню, и в её взгляде было что-то похожее на понимание — и на предупреждение.

— Мальчик уже коснулся границы. Он знает путь. Но он не обязан по нему идти.

Русалка снова наклонила голову, будто прислушивалась к чему-то, чего не слышали остальные.

— Пока не обязан, — прошептала она. — Но зов станет громче. И однажды он ответит.

С этими словами она отступила, и вода потянула её назад, в глубину. Остальные русалки растворились в волнах, оставив после себя только круги на поверхности, которые медленно расходились, пока не исчезли совсем.

Тишина вернулась. Но теперь она была другой — не спокойной, а насторожённой, будто всё вокруг прислушивалось, ожидая, когда шёпот вернётся.

Морена подошла к кругу и остановилась у границы соли.

— Круг поможет ненадолго, — сказала она, глядя на Арсения и Ваню. — Соль держит, но она тает. И когда она исчезнет, они придут снова.

— Что нам делать? — спросил Арсений, чувствуя, как дрожат руки.

— Найти то, что крепче соли. То, что связывает границу не с водой, а с землёй. Камень был частью узла. Но узел состоит из многих нитей. И одна из них — в самом селе. В том, что люди помнят. В том, что они рассказывают друг другу. В легендах, которые не дают воде забыть, где её место.

— Легенды? — переспросил Ваня, будто не веря своим ушам.

— Да, — кивнула Морена. — Слова тоже могут быть стеной. Если их произносят те, кто верит.

Она повернулась, чтобы уйти, но остановилась и посмотрела на Ваню так, будто видела что-то, чего не видел никто

другой.

— Ты будешь слышать шёпот. Это плата за то, что ты коснулся границы. Но ты можешь научиться не отвечать. Ты можешь научиться говорить громче.

С этими словами она ушла, и туман сомкнулся за её спиной, будто её и не было.

Арсений опустился на колени рядом с Ваней, положил руку ему на плечо и просто сидел так, пока мальчик дрожал, пытаясь вернуть себе обычное дыхание. Соль под ногами тихо шипела, напоминая, что время идёт.

Камень лежал в ящике, холодный и тяжёлый. Но теперь Арсений знал: дело было не в нём. Дело было в том, что озеро искало брешь. И пока эта брешь оставалась, ужас будет возвращаться — с новой силой, с новыми лицами, с новыми голосами.

«Шёпот под водой». Глава 7

Сны пришли не ко всем сразу. Они приходили выборочно — как будто озеро сперва проверяло, кто тоньше, кто слабее держит границу между явью и тьмой.

Первой сдалась баба Нюра. Утром она стояла посреди огорода с лопатой в руках и смотрела на грядку так, будто видела там не землю, а воду.

— Они говорят, что надо копать глубже, — пробормотала она, не поднимая глаз на подбежавшую Марию Петровну. — Говорят, там внизу течёт то, что должно быть наверху. Надо выпустить.

Мария схватила её за плечи, встряхнула — мягко, но настойчиво.

— Нюра, очнись! Это просто сон. Ты просто плохо спала. Но баба Нюра покачала головой, и в её глазах было не безумие, а странная, ледяная уверенность.

— Я не спала. Я видела. И они не просят. Они приказывают.

А потом она вдруг дёрнулась, будто кто-то дёрнул её за невидимую нить, и посмотрела прямо на озеро, хотя его отсюда даже не было видно.

— Пора, — прошептала она и шагнула к калитке.

К полудню стало ясно: это не случайность. Старик Проко-

пий заперся в сарае и кричал, что «вода хочет войти», и отказывался выходить, пока кто-то не пообещает «запечатать щели». У дочки пекаря Лизы на коже снова проступили белые линии — и теперь они двигались, как тонкие змейки, скользя под кожей от запястья к локтю.

А Ваня начал замечать самое страшное: люди, которым снились русалки, начинали делать странные вещи. Не сразу. Сначала это были мелочи: кто-то ставил ведро у порога, будто ждал, что в него натечёт вода; кто-то шептал во сне непонятные слова, похожие на древний говор; кто-то просто смотрел в одну точку и улыбался так, будто видел что-то прекрасное — и от этой улыбки становилось жутко.

Арсений пришёл к Егору, и на этот раз старик не сидел спокойно у печки. Он ходил по комнате, сжимая и разжимая кулаки, и его лицо было серым, будто он уже видел то, что ещё только надвигалось.

— Это не сны, — проговорил он, не глядя на Арсения. — Это двери. Русалки не просто приходят. Они оставляют след. И пока след тёплый, они могут тянуть человека за собой.

— Тянуть куда?

— Туда, где вода сильнее земли. К озеру. К порогу. К тому месту, где граница тоньше всего.

— И что они заставляют их делать?

Егор остановился, посмотрел на него тяжёлым взглядом.

— Размывать границу. Копать, ломать, сливать воду из колодцев в канавы, расчищать русла... Всё, что делает землю

мягче, податливее, чтобы вода могла её занять.

В этот момент дверь распахнулась, и в избу вбежал запыхавшийся Ваня.

— Там баба Нюра пошла к ручью! — выкрикнул он, хватая воздух ртом. — И с ней ещё двое! Они несут лопаты!

Они бежали по тропинке, и каждый шаг отдавался в груди Арсения глухим, паническим стуком. Когда они выскочили к ручью, картина была такой, будто кто-то срежиссировал кошмар: баба Нюра и ещё двое жителей стояли у берега и копали — не в землю, а вдоль русла, расширяя его, углубляя, будто хотели превратить тихий ручей в реку. Их движения были механическими, лица — спокойными, почти блаженными, как у людей, которые наконец-то делают то, ради чего родились.

— Остановитесь! — крикнул Арсений, но его голос утонул в странном, плотном воздухе, который будто впитывал звуки.

Баба Нюра подняла голову, и её глаза были пустыми, как два тёмных колодца.

— Нам велено, — проговорила она ровным, неживым голосом. — Вода должна идти.

Ваня рванулся вперёд, хотел схватить её за руку, но Арсений удержал его.

— Не трогай. Если ты их напугаешь, они могут сделать что угодно.

И тут из-за поворота вышла Морена. На этот раз она не

шла — она будто выныривала из самого воздуха, появляясь там, где секунду назад никого не было. Её посох тускло светился, и от этого света ручей на мгновение потемнел, будто вода испугалась.

— Вы нарушаете равновесие, — проговорила Морена, и её голос звучал не как речь, а как звук, который рождается глубоко под землёй. — Вы думаете, что помогаете воде. Но вы помогаете ей поглотить вас.

Люди не ответили. Они просто продолжали копать, их лопаты врезались в землю с глухим, ритмичным звуком, похожим на удары сердца.

Морена вздохнула — этот звук был похож на шелест ветра в камышах.

— Тогда придётся сделать то, чего я не хотела. Придётся разбудить того, кто старше воды.

Она подняла посох, и свет на его вершине вспыхнул ярче, на мгновение ослепив всех. Когда Арсений проморгался, он увидел, что земля у ручья начала дрожать. Не от землетрясения — от чего-то другого, будто под ней шевелилось огромное, древнее существо.

Из почвы, прямо у кромки воды, начали подниматься тонкие, тёмные корни. Они сплетались, утолщались, образуя причудливую решётку, которая медленно, но неумолимо закрывала русло, словно живая плотина. Люди замерли, будто их выключили, и лопаты с глухим стуком упали на землю.

— Что это? — прошептал Ваня.

— Корень Земли, — ответила Морена, опуская посох. — Он помнит, где кончается вода и начинается суша. Он не даст им копать. Но он не сможет держать вечно. Чтобы разорвать связь между снами и водой, нужно найти источник. Того, кто шепчет во снах.

— А кто это?

Морена посмотрела на озеро, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на древнюю, холодную ярость.

— Есть легенда. Очень старая. Говорят, что когда-то вода и земля были сёстрами. Они жили в мире, пока одна из них не захотела стать сильнее. Она позвала на помощь того, кто живёт между мирами — того, кто умеет путать сны и явь. Его зовут Водяной Князь. И если он проснулся, значит, узел, который мы пытались завязать, был слишком слабым.

— И где он?

— В самом сердце озера. Там, где вода самая тёмная. Там, где никто не решается нырять.

Когда они вернулись в село, стало ясно, что времени почти не осталось. Люди, которые ещё не были под влиянием снов, начали прятаться по домам и заколачивать окна. Те, кто уже слышал шёпот, бродили по улицам, бормоча непонятные фразы, и время от времени останавливались у колодцев или у канав, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные.

Ваня стоял у забора и смотрел на всё это, и в его глазах было столько боли, что Арсений не выдержал и положил ру-

ку ему на плечо.

— Мы что-нибудь придумаем.

— А если не придумаем? — тихо спросил Ваня. — Если он... этот Князь... сильнее всего, что мы знаем?

Арсений не знал, что ответить. Но тут снова появилась Морена.

— Есть способ, — проговорила она, глядя прямо на Ваню. — Тот, кто уже коснулся границы, может пройти по ней снова. Не в воду, а по самой грани между сном и явью. Ты можешь найти Водяного Князя не в озере, а в снах тех, кто его слышит. Ты можешь увидеть его лицо, его имя, его слабость.

— Но как? — спросил Арсений.

— Нужно, чтобы он сам позвал Ваню. А для этого придётся сделать так, чтобы Ваня стал для него самым заметным. Самым нужным.

— То есть... подставить его?

Морена кивнула, и в её голосе не было ни жалости, ни оправданий.

— Да. Это опасно. Но это единственный путь.

Ваня посмотрел на неё, потом на Арсения, и вдруг выпрямился, будто сбросил с плеч что-то тяжёлое.

— Я сделаю это. Если это поможет спасти село, я сделаю.

Той ночью всё было готово. Ваня лёг на кровать в доме Егора, где стены были увешаны оберегами, а на полу был нарисован сложный узор из соли и золы. Арсений сидел рядом,

держа в руках блокнот, готовый записывать всё, что скажет мальчик. Егор стоял у двери, сжимая в руках старую книгу, страницы которой пожелтели от времени. А Морена стояла у окна, и её посох тихо пульсировал тусклым светом, будто отсчитывал секунды до того, как граница станет тонкой, как лезвие.

— Помни, — проговорила Морена, глядя на Ваню. — Когда ты увидишь его, не смотри ему в глаза. Не отвечай на вопросы. Просто наблюдай. Ищи то, что связывает его с озером. Имя. Знак. Предмет. Что угодно.

Ваня кивнул, закрыл глаза и выдохнул, будто нырял в холодную воду.

Сначала ничего не происходило. Потом дыхание Вани стало ровным, почти незаметным. А потом его веки задрожали, и он прошептал:

— Я вижу... воду. Но не озеро. Это как будто все воды мира собрались в одном месте. И в центре этого... он.

Его голос стал чужим, низким, будто говорил не он, а кто-то другой.

— Он зовёт меня. Говорит, что я знаю дорогу. Что я должен привести остальных.

— Не отвечай! — резко сказала Морена. — Смотри. Только смотри.

Ваня сжал кулаки, его лицо исказилось от напряжения.

— Он... он не один. С ним... тени. Они шепчут. Они говорят, что земля — это ошибка. Что вода должна быть везде.

— Найди его слабость! — прошептал Арсений, наклоняясь к нему.

Ваня снова вздрогнул, и вдруг его глаза открылись. Но это были не его глаза. В них не было зрачков — только тёмная, глубокая вода, в которой кружились искры.

— Ты пришёл ко мне, — проговорил он чужим голосом, и от этих слов по спине Арсения пробежал ледяной холод. — Ты думал, что можешь спрятаться. Но граница — это не стена. Это дверь. И я держу ключ.

— Какой ключ? — выдохнул Арсений, не думая о том, правильно ли он делает, что спрашивает.

Ваня-не-Ваня улыбнулся — улыбка была чужой, хищной, нечеловеческой.

— Камень. Тот, что вы достали. Он не просто держит границу. Он запирает меня. Пока он на суше, я не могу выйти. Но если его вернуть... если его опустить туда, где он был... я стану свободен.

И в этот момент Морена шагнула вперёд и резко провела посохом перед лицом Вани. Свет вспыхнул, и мальчик вздрогнул, будто его выдернули из глубокого сна. Его глаза снова стали обычными, испуганными, живыми.

— Он хочет, чтобы мы вернули камень, — прохрипел Ваня, хватая воздух. — Он сказал... если мы опустим его в озеро, он выйдет. И тогда... всё станет водой.

Морена медленно опустила посох.

— Значит, мы не можем вернуть камень. Но мы можем

использовать его. Мы можем сделать так, чтобы он стал не замком, а ловушкой.

— Как? — спросил Арсений, чувствуя, как внутри всё сжимается от понимания: они стоят на краю бездны, и единственный способ не упасть — сделать шаг вперёд.

— Нужно провести ритуал. Не на берегу. Не у ручья. А в самом центре озера. Там, где Водяной Князь сильнее всего. Камень станет якорем. Он удержит его, пока мы не разорвём связь со снами.

— Кто пойдёт? — прошептал Ваня.

Морена посмотрела на него, и в её взгляде было столько тяжести, что казалось, она несёт на плечах весь мир.

— Ты. Потому что он ждёт тебя. И Арсений. Потому что ты знаешь, как не дать себе утонуть в чужом голосе.

«Шёпот под водой». Глава 8

Ночь пришла не как обычное угасание дня, а как нечто плотное, налипшее на крыши, на деревья, на кожу. Небо затянуло сплошной пеленой, и даже звёзды будто боялись пробиться сквозь неё. Озеро не отражало небо — оно поглощало свет. Любая искра, любой отблеск гасли в его поверхности, словно вода была не водой, а чёрной тканью, наброшенной на мир.

Арсений и Ваня стояли у старого причала. Плот, сколоченный из потемневших от времени брёвен, казался ненадёжным, как воспоминание, готовое рассыпаться. Рядом с ними Морена держала посох, и его тусклое свечение было единственным пятном света в этой густой тьме. Егор стоял чуть поодаль, сжимая в руках потрёпанную тетрадь — он не мог идти с ними, но должен был быть здесь, чтобы держать связь, чтобы не дать селу окончательно провалиться в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.